

Читайте
исторические романы
ЕКАТЕРИНЫ БЛЫНСКОЙ

ВРЕМЯ ЛАСТОЧЕК

ОГОНЬ ЗОВУЩИЙ

ЕКАТЕРИНА БЛЫНСКАЯ

ОГОНЬ ЗОВУЩИЙ

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б68

Редактор серии *П. Коршцкая*

Художественное оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Я. Клыга*

Карта на форзаце *С. Горшкова*

Блынская, Екатерина Николаевна.

Б68 Огонь зовущий : роман / Екатерина Блын-
ская. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-229637-6

В северной деревне есть старинное поверье: к вдовам и молодым женщинам прилетает змий огнеярый — ночное чудовище с огненным хвостом, ищущее себе жертвы.

Собирательница фольклора Марья и следователь Георгий не верят в реальность этой сказки. Но постепенно миф обрастает страшными подробностями, новыми исчезновениями и жестокими убийствами...

Там, где мифы соседствуют с алчностью, остановить древнее зло способна только любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Блынская Е.Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229637-6

Глава 1

— С вободы сеятель пустынный, я вышел рано,
до звезды...

Человек перехватил покрепче ручку косы-литовки, глянул удовлетворенно на ее загнутый, поблескивающий в темноте зуб и вступил в мак.

В эту ночь мак благоухал, словно чувствовал свою погибель и не мог надышаться, напоследок вобрать в свои кожистые листочки, спеленатые бутоны и молочайные стебли вяжущий дух июньского разнотравья. Еще немного — и вповалку ляжет.

— Эх... — вздохнул человек. — Жалко тебя уничтожать! Но тогда что? Тогда наделаешь дел, цветяга сонный...

Терпко и горько, дрожа росой на жирных листьях с млечным налетом, облепленный мириадами луговых улиток, мак содрогнулся, качнул закрытыми бутонами, в глубине которых зрели горькие семена. Поле дрогнуло, заволновалось: а не вырваться ли маку, не взлететь ли ввысь? Но нет. Тот, что других заставляет летать и отчебучивать всякое, сам растение мирное. Не он травит-убивает. Опять же люди виноваты.

Через полтора месяца здесь уже будут потрескивать на ветру головки, полные зернышек. Облетят эти белые, розовато-кварцевые цветы, в общем поле которых вспыхивают то там, то тут темно-красные пиропы, будто кровью брызнули живой.

Нет, человек этот не посмеет тронуть красоту при свете дня. Не выдержит, остановится.

Привыкнув к холоду росы, босоногий, он смотрит на бледное поле. Да что там того поля... Махнуть — и нет его. Ну гектар, чуть больше...

До рассвета успеет.

— Нет правды на земле. Но нет ее и выше? — спросил человек то ли у земли, то ли у молчаливых небес, dokonчив первую полосу и утирая лицо рубашкой.

На востоке, далеко-далеко, бледнели разомкнутые еще невидимым солнцем облака. Это свет пробивался через слои горных полей, чтобы осветить дела людские.

Шелестя, мак тяжело валился, бледнея и источая густое, почти животное дыхание, словно он не трава, а многоногий мокрый зверь, сам пришедший принять казнь от человека.

Глава 2

... Летняя духота тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года ознаменовалась горением торфяных месторождений. Весь город был в дыму. Он проникал в окна и заставлял даже на улицу выходить пригнувшись. Там уже накрывало пластом душного угара и не дышалось без кашля.

Тем не менее люди вынуждены были вести обычный образ жизни. Ходить на работу на обогатительный комбинат, толкаться в овощном магазине в очереди за картошкой, которая через демоническую гулкую трубу сыпалась в деревянный куб, учиться на курсах профорientации и выписываться из роддома.

У роддома стояла новенькая оранжевая машина «Жигули», в которой сидел и не выходил молодой, но уже тучный человек. Он буквально на днях защитил диплом в Горном университете и теперь еще не верил в то, что его ждут на новой прекрасной работе в далеком Нерюнгри.

Из распахнутых дверей роддома вышли трое. Пожилая женщина с квадратным лицом, медсе-

стра в высоком белом колпаке и красноглазая молодая мать. На руках у нее крепко стояло свернутое умелыми руками синее одеяло с начинкой; полупрозрачные синие ленты, которыми оно было перетянуто, однозначно указывали на пол младенца.

— Ну? И где твой-то? — спросила медсестра, кажется, ожидая другой встречи.

— Да вон его машина! — сказала пожилая женщина. — Он она! А деж Сереня? Сереня! Э! Где ты!

Из-за машины вышел тучный молодой человек с недовольным, блестящим от пота лицом. Руки он сунул в карманы по-студенчески коротких, но недешевых вельветовых брюк. Это и был Сереня. Не вынимая рук из карманов, он подошел к ступеням и поставил правую ногу на нижний край.

— Поехали. Только быстро.

Молодая мать с ребенком оторвались от разочарованной медсестры, за ними поспешила бабка.

— Даже цветы не подарил! Жмотяра! — выругалась медсестра. — Есть же козлы, а? Эх, девки! Кому вы рождаете!

Молодая мать и пожилая женщина сидели на заднем сиденье молча. Тучный Сереня рулил и пыхтел, подкидывая их на неровной дороге.

— Не шибко ты! — бормотала пожилая женщина, вцепившись в подголовник. — Не навоз везешь! Тут сын у тебя!

— Неее! — проблеял в ответ недовольный Сереня. — Какая там! Сын! На что он мне сейчас? Завела и возись! Отвезу вас в ваш дом общественного призрения, выходите!

— Ага! Ага! Выходим! — вдруг тоненько запричитала мать над ребенком. — Все помогут! Отучим и вырастим! Ты только деньги нам шли, урод проклятый! У меня все, все государственное! И ребеночек будет наш общий!

— Вот и я о том же, — успокоительно ответил водитель. — Про деньги не беспокойся. Отгребу. Но про мальчишку... Пока не нужен он мне.

— Да ты что, касатик! — разразилась руганью женщина с квадратным лицом. — Что ж ты порешь! Что порешь! Да он вырастет, помощником твоим станет! Он твоя кровь! Ну! Дурак же ты, Сереня!

— И пусть растет. Я разве против? Только отстаньте от меня! Я буду делать свои дела! А вы тут вошгайтесь с мальчишкой! Меня на работу зовут! Там месторождения, рук не хватает! А вы тут со своим ребенком!

— Ах ты, гад ты проклятый! Меня обещал забрать! — взвизгнула молодая мать и затрясла белокурыми волосами. — Как теперь верить-то! Кому! Ну, зараза ты!

— А, ну ты сама виновата! — отбрехивался Сереня, покраснев. — Кто тебя тянул его рожать! Ну, кто! Чего вы, бабы, дуры, что ли, совсем? Куда я

тебя возьму-то! Я сам там не устроился, а ты мне еще на хвост садишься!

— А у папы что, у твоего, нет возможности нам помочь?! — перебила его молодая мать.

— При чем тут папа! Папа заболел! Я и за папой, и за мамой шизанутой своей ухаживаю! Что, не знаешь? Баб! Скажи ей хоть ты! Заполосной этой!

— Вынянчим! Ничего! — ответила квадратнолицая. — Своего не бросим! Только ты, Сереня, обеспечь нам покой и вливания, как там говорят по телевизеру-то... А то я тебя прокляну и устрою тебе этот самый апартеид.

В салоне повисла тишина, прерываемая только сопением матери над ребенком. Тот, утопленный в кружеве, глядел вокруг и не мог понять, для чего его пустили на свет. А машина, неловко маневрируя по кривой дороге, уже ехала по белому песку просеки меж столетних сосен к желтому дому с высоким куполом, бывшей резиденции графа Панина, а ныне «богадельне»...

Глава 3

От вокзала Марья добиралась в коляске мотоцикла «Урал» местного участкового Николая Бушина. Сам участковый, как мог, старался понравиться гостю, а потому шаршил с такой скоростью, что бедная московская фольклористка чуть богу душу не отдала. Перелетая с ухаба в выбоину, Марья каждый раз приземлялась в коляске на свою несчастную тощенькую пятую точку и под конец извилистой дороги, уже потянувшейся мягко по белому песку соснового леса, хотела попроситься слезть и идти пешком. Пусть рюкзак отяжелял плечи, пусть ее красные глаза смежались после ночи, проведенной без сна в поезде под спор антиглобалиста и антисемита. Лучше пешком, чем в люльке «Урала»!

— Не, народа много обычно только летом. Туристы сплаваются, паломники приезжают в монастырь. Местных мало. Летом бухают-бухают, бухают-бухают... А потом дохнут-на. Зимой до кладбища не донести: почитай, метров двести тащить на гору по снегу. На кой так делать? Все бегают, пособляют че-то, да толку нет. А там еще могилу рой, землю шкрябай...

Участковый сам был не из деревенских — из городских. Он не очень любил ездить в Опашку. Там осталось-то три живые души, и никто просто физически не мог никого убить, обокрасть или насильничать. Река Пиня осторожно обтекала опустевшее селение, а на другой ее стороне размещался мужской монастырь, светилась из-за великой стены голова Свято-Успенской деревянной церковки и громоздились пристроенные к ней со старого времени каменные склады. В некоторых местах стену монастыря с высыпавшимися кусками песчаника заделали новым белым кирпичом, вживленным несуразными заплатами в древнюю кладку. Там — да, народ жил. Построили недавно и трапезную, и келейки для паломников. Весело трезвонила недавно оштукатуренная колоколенка. Насельники всякие были, но смирные. А в Опашке остались только бабка Палладия, ее тетка Серафима Пятницкая ста трех лет да немая девица Марионилла.

Вот как только приехала сюда Марионилла, начали происходить странные вещи. Их нельзя было объяснить с бухты-барахты. Надобно было думать и ворочать мозгами, чего тут никто особо делать не умел. Да что там! Где у нас сейчас мозгами-то ворочают! Все больше капиталами да локтями...

Бабка Палладия пребывала в абсолютном ракуме, и к ней рекой текли любители фольклора и всяких старинных побасенок. Марионилла не

могла говорить. По крайней мере, никто здесь не слышал ее голоса. Старуха Серафима вела чудный образ жизни: ела только хлеб и пила только воду, на летние и осенние месяцы уходила «в странное» по окрестным деревням и возвращалась зимовать, принося страшные вести про несправедное госустройство, коррупцию и распущенность, называя все это мракобесием, мздоимством и содомией. Насельники монастыря про это улыбались и серьезно помалкивали, но бабка Палладия таких слов и определений не знала. На речи Серафимы только морщилась и ругалась.

— Бабка! Ты уже совсем из ума выжила! — бурчала Палладия. — Тебе бы в дом старичков пора, чтобы там тебя обихаживали да с ложки манкой откармливали!

— Сама туда иди! — отвечала Серафима. — Я еще тут по своему двору потопаю! Пока ноги ходят.

Палладия вообще была неграмотная, потому что ленивая. Все на сказках выезжала.

Когда-то, после революции, сюда, в Опашку и на берег Пини, пригнали молодежь разрабатывать русло реки, добывать строительный песок и глину. В конце концов разрыли его насмерть, распустив Пиню на несколько озер. К счастью, после войны разработка сама замулилась, и река потихоньку вернулась в старое русло, но обмелела.

Потом налетели колхозники. Сажали на бедных полях всякие сурепки да рапсы для животноводческого комплекса. После войны из всей деревни осталось двенадцать домов: из семидесяти мужиков с фронта пришли четверо, и долго не возвращалась Опашка к жизни. Ну, и после того, как на круглой площади раскатали церковь и так бросили бревна, думая построить клуб, стала из села деревней.

Наконец, в начале девяностых приехали иеговисты, скупили избы у сельсовета, сидящего в соседнем, относительно еще «многолюдном» селе Хам-озере, развели хозяйство, стали домовничать. Палладия думала тоже в ихнюю веру перекинуться — больно красивые книжицы разносили, в которых все так славно, благообразно прописано, а главное — понятно, не то что в Библии. Серафима ее побила палкой, и Палладия передумала.

Теперь Палладия почти перестала ходить со двора, ее мучил целый букет диковинных болезней, половину из которых она придумала для особенной к себе жалости. Внук прислал ей в помощь девицу Мариониллу. Хорошо, что немую: хоть не говорила поперек и не лезла с другими разговорами.

Вот, совсем недавно, сюда, на холмы и луга, пришли незнакомые люди в строгих цивильных костюмах, и с ними охранники. Что-то они тут ходили, смотрели, изыскивали...

— Принесло их, цernоризцев да мракобесов! — ругалась тогда Серафима.

Одним из них, впрочем, был внук бабки Паллады, занимающий руководящую должность в крупной компании. Он зашел к бабушке с подарками, приволок плазму-телевизор, подключил для Мариониллы на чердаке усилитель сигнала для домашнего интернета, оставил еды и средств для мытья посуды, на что Палладия досадовала, а Марионилла радовалась, как дитя. Но потом подуспокоилась, когда оказалось, что интернет брал только в туалете, где можно было просиживать часами или как минимум стоять рядом с ним.

Марья Андреевна Чулымова, собиратель фольклора и преподаватель оного в Институте истории искусств, насчет местных дел и преданий заранее не интересовалась, поэтому ехала чистосердечно собрать не собранное другими и узнать прежде неизвестное.

— Приехали! — радостно рявкнул участковый и резко затормозил, так что Марья ударилась грудью о край люльки.

Марья закашлялась, выбросила рюкзак и сумку с провизией на траву и вылезла. Перед ней в ряд стояли с десятков рубленых изб, четко вырисовывавшихся на яркой лазури неба.

Марья поблагодарила участкового.

— Коли дождя не будет, в воскресенье приеду, проведу вас по окрестностям. Покажу, что к чему... Магазин через речку.